

**СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ШКОЛЫ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ
ДЛЯ СЕЛА В ПОВОЕННЫЙ ПЕРИОД
(СЕРЕДИНА 1940-Х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1950-Х ГГ.)
(НА МАТЕРИАЛАХ УКРАИНЫ)**

**Agricultural school in the training system of the village
(the mid 1940s – the first half of the 1950s) (on the materials of Ukraine)**

А. Ф. Никилев, доктор исторических наук, профессор
Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара
(Украина, Днепропетровск, пр. Гагарина, 72)

Рецензент: В. П. Мотревич, доктор исторических наук, профессор

Аннотация

Рассматривается деятельность созданной в условиях послевоенного восстановления народного хозяйства дополнительной системы учебных заведений по подготовке кадров для колхозно-совхозного производства. Анализируются причины появления новой структуры, количественные и качественные характеристики ее деятельности по выполнению поставленной руководством страны задачи. Показано, что положением о школах срок подготовки специалистов ограничивался лишь одним годом, слушательским контингентом в виде жителей сельской местности со стажем работы в коллективном хозяйстве и уровнем образования в 7 классов. Отмечается, что для Украины такие образовательные параметры были сложно выполнимы в силу оккупации и двух волн военных действий на ее территории в 1941–1944 гг. и, в следствие этого, значительных демографических изменений в составе ее населения. Анализируются состояние материально-технической и учебно-методической базы учебных заведений, специфика преподавания в них слушателям сельской местности. Показано, что, несмотря на задекларированность важности для государства таких школ, они на протяжении всего периода своего существования постоянно ощущали дефицит финансирования в материально-технической, учебно-производственной, методической и социально-гуманитарной сферах. Имели место случаи задержек выплаты зарплат преподавателям. Стипендии студентов не обеспечивали даже их потребности в питании. Подчеркивается, что такое состояние школ не способствовало росту их популярности среди сельских жителей, негативно сказывалось на качественных показателях школ, и в конечном счете на выполнении программы, которая ставилась государственным руководством при создании данной категории учебных заведений. Так, наличие значительного количества лиц с низким уровнем образования вынуждало педагогические коллективы идти на занижение уровня преподавания и оценивания усвоенного учениками материала. Результатом же была подготовка специалистов с заниженным уровнем квалификации. В итоге лишь незначительная часть выпускников была задействована в колхозно-совхозном производстве по профилю полученных знаний. Остальные по возвращении трудились в прежнем качестве.

Ключевые слова: послевоенное восстановление сельского хозяйства, сельскохозяйственные школы, сельскохозяйственное образование, формы образования.

Summary

The article considers the activity of created in the post-war restoration conditions additional system of training institutions for collective farm production. There are analyzed of the causes of the emergence of the new structure, quantitative and qualitative characteristics of its activities to meet the leadership of the country objectives. It is shown that the provision of schools, the time for training of specialists were limited only by one year, of the listening contingent – only by the inhabitants of rural areas with a history of collective farming and of the level of education – by 7 classes. It is noted that for Ukraine the educational parameters

were difficult due to the occupation and two waves of military operations on its territory in 1941–1944 and, in consequence, the significant of the population changes in the composition. The state of material-technical and educational-methodical base of educational institutions, teaching listeners in rural areas are analyzed. It is shown that, despite of the declaration of state importance of these schools, they have for the whole period of existence, they have constantly felt lack of funding in the material and technical, educational, production, technical and socio-humanities spheres. There were cases of delays with payment of wages to teachers. Students` scholarship did not provide even their nutritional needs. It is underlined that such state of schools wasn't not increasing their popularity in rural residents, had a negative impact on quality indicators of schools and eventually on the implementation of the state program, which was put in the stage of the creation of this category of educational institutions. So the presence of a significant number of persons with a low level of education made the pedagogical collectives go to the underestimation of the level of teaching and assessment of students. The result was the preparation of specialists with a low level of qualifications. In the end only a small portion of graduating students worked in the profession. The rest after returning worked in the same capacity.

Keywords: afterwar restoration of the farming, farming schools, farming education, forms of the education, Central state archive of the highest government bodies of Ukraine.

Проблема подготовки кадров для колхозного производства в восстановительный период имеет значительную историографию. Однако основная часть исследований приходится на период 1940–1980-х гг. и рассматривает проблему с позиций правящей в тот период партии. То есть исключительно в ключе успешного преодоления трудностей послевоенного восстановления [1]. По этой причине целый ряд вопросов остался вне поля зрения исследователей. В частности и такой, как пути и методы повышения интеллектуального потенциала колхозов в условиях разрушенной экономики и требований ее быстрого восстановления. В определенной степени заполнить существующую научную лакуну призвана данная публикация.

В ходе освобождения территорий, находившихся под немецкой оккупацией, со всей необходимостью вставал вопрос восстановления колхозно-совхозного производства и быстрого включения его в народно-хозяйственный комплекс страны. В реалиях того времени, которые характеризовались общим сокращением рабочей силы, в том числе и в сельской местности, и особенно на территориях, пострадавших от оккупации и двух волн военных действий, государством был взят курс на формирование категории так называемых колхозных кадров: работников, которые были бы в состоянии организовывать и осуществлять работу в восстанавливаемых сельхозартелях в соответствии с требованиями времени и партийно-государственного руководства во главе с И. Сталиным. Исходя из партийных установок, создание такой категории должно было происходить за счет самих крестьян. Уже в 1943 г. Совнарком СССР принимает постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», которое ставило задание организовать одногодичные сельскохозяйственные школы, назначение которых заключалось в подготовке «квалифицированных полеводов, садоводов, овощеводов, животноводов, младших ветфельдшеров, которые могли бы руководить этими отраслями в колхозах» [2]. Специальным постановлением Совнаркома СССР в 1944 г. такие школы были открыты уже во всех областях, краях и республиках. Всего по Союзу было создано 419 таких школ, а по Украине – 86 [3].

Высшая и средняя сельскохозяйственные школы не рассматривались государством как источник обеспечения колхозов квалифицированными кадрами. Специалисты, которых готовили эти учебные заведения, предназначались для работы в контролирующих и планирующих

структурах, обслуживающих колхозы организаций. Работников же, которые осуществляли бы непосредственное руководство производственными и технологическими процессами в коллективных хозяйствах, должна была готовить новая, специально для этого создаваемая система учебных заведений.

Данная линия была подтверждена в решениях февральского 1947 г. Пленума ЦК ВКП(б), который стал определяющим в аграрной политике государства на значительное время. Он впервые в истории советского государства уделил внимание, так сказать, человеческому фактору. Была признана важной роль в создании сельскохозяйственного продукта уровня квалификации работников материальной сферы села как основы колхозного производства [4]. В то же время задания вузам и техникумам по расширению подготовки специалистов как основы наращивания интеллектуального потенциала сельского хозяйства остались за рамками постановления.

Направленность решений пленума свидетельствовала о том, что проблема кадрового обеспечения сельскохозяйственной отрасли в целом не являлась главной для государственного руководства. Проблема была лишь в недостаточном уровне собственно низовых звеньев материального производства.

С целью решения данной проблемы пленум поставил задание расширить сеть школ, которые готовили мастеров колхозного производства, «до количества, которое бы полностью обеспечивало потребности хозяйств каждой области в колхозных кадрах данной категории» [5]. В 1950 г. – количество их уже составляло 569 [6]. В Украине за этот период количество школ возросло с 86 до 97 [7].

По положению эти школы осуществляли прием на основе неполного среднего образования (а в тот период таким было 7 классов) и лишь сельских жителей. При этом в них должны были учиться рядовые колхозники со стажем работы, которые выявили организационные способности. Для Украины такие параметры были практически невыполнимы. Объяснялось это спецификой военного и послевоенного периода. Так, в период немецкой оккупации школы в сельской местности функционировали очень короткое время, а с началом освобождения от нее в 1943 г. начали возобновлять свою работу в очень сложных материально-технических и методических условиях, при дефиците преподавательских кадров необходимого уровня и в невероятно трудных социально-бытовых условиях, когда у многих детей не было даже обуви и верхней одежды, что не давало им возможности ходить в школу в холодное время года и непогоду. Учебный же год на освобожденных территориях длился от открытия школы до мая, то есть у большей части детей обучение в год освобождения носило формальный характер. С учетом 3-4-месячного обучения во время оккупации они шли в следующий класс. Таким образом, качество образования, полученного в военный период сельскими детьми, было недостаточно. С людьми же, получившими образование до войны, были проблемы. В республике имели место свои особенности мобилизационного характера, которые в значительной мере отразились на послевоенной демографической ситуации в селе. На ее территории, в отличие от других регионов Советского Союза, в войска брали всех мужчин призывного возраста от 16 лет, в том числе и тех, на которых в других республиках распространялась бронь, а именно трактористов, комбайнеров [8].

На Украине процесс мобилизации активно происходил при ее освобождении в 1943–1944 гг., когда призванных в армию мужчин, необученных, полуобмундированных, полувороуженных, а иногда и невооруженных, через один-два дня бросали в бой. В результате значительная часть их гибла на расстоянии нескольких километров от родного дома [9]. Те же, кто уцелел, после окончания войны не принадлежали к категориям, которые подлежали

демобилизации в первую очередь. И в послевоенные годы основной продуктивной силой села республики были женщины. В 1945 г. их удельный вес в аграрном секторе республики составлял 80 % в сравнении с 49 % в 1940 г. [10].

Уровень квалификации, который должны были давать сельскохозяйственные школы исходя из разработанных положений, был низким. По современной шкале их выпускники получали дипломы о профессионально-техническом образовании. При этом они не получали среднего образования, что давало бы им возможность продолжить обучение для получения квалификации более высокого уровня как по своей профессии, так и по иным специальностям.

То есть изначально школы были сориентированы на формирование категории работников с конкретно определенными образовательными параметрами, предназначенными для исполнения функций в конкретном секторе производства. Именно эти параметры и должны были служить ограничителями в их желаниях и намерениях быть задействованными в иных, отличных от материального производства колхозов, отраслях экономики даже в перспективе. Ограниченность возможностей для использования выпускников учебных заведений данного уровня в других сферах деятельности делала заведения действенным элементом системы прикрепления крестьян к земле, что существовала в Советском Союзе с довоенных времен.

Несмотря на значение, которое государством было задекларировано в документах о создании нового типа учебных заведений по подготовке сельскохозяйственных работников, на них с первых же лет своего функционирования не обращалось надлежащего внимания. В первую очередь в вопросах формирования и укрепления материально-технической базы, что в конечном счете и определило их невысокие качественные и количественные показатели на протяжении всего периода деятельности. Так, в отличие от вузов и техникумов, которые возобновляли свою работу на собственной, хоть и значительно поврежденной материальной базе, сельскохозяйственные школы создавались заново. Поэтому в условиях дефицита уцелевших сооружений им местными органами власти выделялись помещения, которые по санитарным нормам не соответствовали назначению. Они требовали серьезного ремонта, в них отсутствовали водообеспечение, канализация, в большей части освещение. Так, в 1949 г. треть сельскохозяйственных школ освещалась керосиновыми лампами. В 1952/1953 учебном году 15 % из них находилось в таком состоянии [11]. Ряд школ вынужден был проводить учебно-воспитательную работу на базе других учреждений и предприятий. Например, в 1949/1950 учебном году. 16 сельскохозяйственных школ действовало при техникумах, научно-исследовательских лабораториях, общеобразовательных школах и совхозах [12].

Учеба по причине отсутствия необходимых площадей во всех учебных заведениях происходила в две, а то и в три смены. Для осуществления нормального учебного процесса не хватало элементарного: парт, классных столов, шкафов, необходимых приборов и т. п. В библиотеках имел место острый дефицит учебников и учебных пособий. Имевшаяся же литература была в основном на русском языке, что усложняло учебный процесс, ведь школы в сельской местности были в большинстве своем украиноязычными. Наиболее негативно такая ситуация сказывалась на подготовке кадров в областях, присоединенных к советской Украине в 1939–1945 гг. Там русский язык стал изучаться в школе лишь после войны. Поскольку ситуация с украиноязычными учебниками не менялась к лучшему, то педагогические коллективы вынуждены были переходить на использование значительно более распространенной русской литературы и на преподавание на русском языке, что усложняло восприятие слушателями материала и сказывалось на уровне их знаний [13].

Серьезные проблемы были и с учебно-производственной базой. С самого начала своего образования школы постоянно имели недостаточное количество техники, необходимого оборудования и т. п. Так, в 1946 г. на все школы республики приходилось 27 тракторов и 93 автомобиля. Но и из этого количества 66 % «были непригодны для производственного обучения» [14]. Много школ вообще не имели учебных мастерских. В школах младших фельдшеров не хватало инструментария и лекарств, необходимых животных, что не позволяло создать учебные фермы, ветеринарные клиники. В школах садоводов не хватало оборудования для обработки садов и плодов. К тому же школы не имели необходимых угодий для организации полноценных учебных хозяйств и производственных процессов, свойственных колхозному производству Украины, где бы ученики получали необходимые для их будущей деятельности профессиональные навыки. Так, сельскохозяйственным школам по положению должно было выделяться по 100–150 га, но в 1946/1947 учебном году лишь 22 из них имели указанную норму, а 11 вообще не имели земли [15]. В 1949/1950 учебном году необходимой нормой были обеспечены 25 школ, от 50 до 99 га – 18, от 25 до 49 га – 14, а 11 школ, как и раньше, не имели земли [16]. В 1952/1953 учебном году после объединения части школ и уменьшения их количества до 83 ситуация несколько улучшилась, однако все равно не соответствовала требованиям. При этом оставались еще школы, которые не имели учебно-опытных хозяйств [17].

Сложной была и социально-бытовая ситуация в школах. На протяжении исследуемого периода они постоянно испытывали острую потребность в общежитиях. Так, в 1946 г. лишь 40 % из них имели помещения для проживания студентов, в 1950 г. – 53 %, в 1952 г. – 73 % [18]. Однако еще более острой была проблема с обеспечением жильем всех желающих. На протяжении всего исследуемого периода она так и не была решена. Например, в 1946 г. сельскохозяйственные школы смогли предоставить места лишь 40 % своих учеников, в 1949 г. – 36,2 %, а в 1950 г. – даже 35 % [19]. Остальные вынуждены были проживать на «уголках» и в частных квартирах (стоимость проживания в них была от 25 до 50 руб. в месяц, с годами смещаясь к верхней планке) [20]. Аналогичная ситуация наблюдалась с инвентарем и постельным бельем. Так, если в 1946 г. обеспеченность кроватями, матрасами, подушками, простынями составляла 20–25 %, то в 1950 г. – 50 %, и значительная часть учеников была вынуждена пользоваться собственными, привезенными из дома [21].

Типичным явлением было отсутствие мест для подготовки к занятиям, читальных залов, клубов, площадей для занятий спортом, а особенно – помещений санитарно-гигиенического назначения. Так, поскольку большинство учебных заведений размещалось в сельской местности (например, в 1953 г. только 22 сельскохозяйственные школы находились в областных центрах, еще 16 – в городах областного подчинения), где система медико-санитарного обеспечения соответствовала лишь минимальным требованиям, для их слушателей были очень ограниченными возможности для соблюдения санитарно-гигиенических норм: для регулярного пользования баней, прачечной и т. п. За 1946–1950-е гг. возможности для удовлетворения указанных потребностей появились лишь в 16 школах (там были введены в строй бани и помещения для стирки белья) [22].

Основной причиной такого материального состояния школ было их хроническое недофинансирование. Оно определялось как общим минимальным выделением средств сельскохозяйственной сфере, так и местом данной категории учебных заведений в системе взглядов партийно-государственного руководства на сельское хозяйство. Рассматривая их как не очень важную составляющую производственного процесса отрасли, Совет министров СССР в поисках вариантов оптимального использования выделенных аграрному сектору средств

в 1947 г. часть бремени по финансированию учебных заведений переложил в России и Украине на республиканский и местный уровни. В результате этого до 1950-х гг. в республике школы финансировались из четырех источников: союзного, республиканского, областных и колхозных бюджетов.

Однако это мало изменило ситуацию. В относительно лучшем по сравнению с другими положении находились учебные заведения, получавшие денежные средства из Киева. В наихудшем состоянии были школы, которые финансировались за счет колхозов. Они содержались за счет отчислений на подготовку кадров в соответствии с уставом сельхозартели. Поскольку экономическое положение коллективных хозяйств республики в послевоенный период было сложным, то понятно, что получаемые ими доходы не позволяли делать необходимые взносы на данные цели. Поэтому одни колхозы, не имея возможности оплачивать обучение, отказывались от направления туда своих членов, а другие нерегулярно и в недостаточных количествах рассчитывались с учебными заведениями. Такая ситуация негативно сказывалась на организации учебного процесса в школах, формировании их материально-технической базы, качества подготовки будущих специалистов, приводила к систематическим задержкам (по нескольким месяцам) преподавателям заработной платы.

Сложное финансовое положение в течение ряда лет вынуждало руководство школ идти на непопулярные меры относительно колхозов-должников. Дело даже доходило до судебных процессов по истребованию денег у неплательщиков. Только в Радомышльской школе на Житомирщине за 1948–1949 гг. имело место 76 случаев передачи дел в суд на сумму 93,3 тыс. руб. [23].

Недостаточность финансирования школ ставила и перед их слушателями проблемы материального характера. Так, очень невысокой была стипендия. Она не обеспечивала даже самые необходимые потребности учеников. Ее не хватало даже на питание. При стоимости трехразового питания в среднем 3 руб. она составляла 80 руб. [24]. В то же время коллективные хозяйства после направления своих членов в школы никакой помощи ни им, ни их семьям не оказывали. То есть материальная сторона делала обучение в этих школах непривлекательным для сельских жителей, особенно для людей, которые имели на своем содержании семьи. Результатом всего комплекса проблем в деятельности новой категории учебных заведений было достаточно сдержанное отношение колхозников к обучению в них. Районным органам, которые занимались набором в эти школы, приходилось прикладывать немало усилий для выполнения спускаемых «сверху» и ежегодно возрастающих планов набора в них. Но, несмотря даже на продление «вступительной» кампании на 2-3 месяца после официального начала занятий, ежегодно планы приема выполнялись в среднем на 90 %.

Руководство школ, стараясь удержать ситуацию с контингентом учащихся хотя бы на таком уровне, вынуждено было отступать от требований к качественным характеристикам абитуриентов: их возраста, образовательного уровня, производственного стажа и т. п. Но это, в свою очередь, негативно сказывалось на качественных показателях школ, и в конечном счете – на выполнении программы, которая ставилась государственным руководством при создании данной категории учебных заведений. Так, наличие значительного количества лиц с низким уровнем образования вынуждала педагогические коллективы идти на занижение требований к уровню преподавания и оценивания усвоенного учениками материала. Результатом же была подготовка специалистов с заниженным уровнем квалификации.

Все больше возвращались к стереотипам 1930-х гг., когда, по словам И. Сталина, стояла дилемма «либо начать обучение людей в школах технической грамотности и отложить на 10 лет производство и массовую эксплуатацию машин <...>, либо приступить немедленно

к созданию машин <...>, чтобы в самом процессе производства и эксплуатации техники выработать кадры. Мы выбрали второй путь. Мы пошли открыто и сознательно на неизбежные при этом издержки» [25].

«Издержками» работы сельскохозяйственных школ по подготовке колхозных кадров был значительный процент отчисляемых по неуспеваемости (он ежегодно составлял от 10 до 20 % от количества зачисленных), и еще больший – незадействованных на производстве по прямому назначению. Основной причиной выступали возрастные характеристики выпускников, стаж и место их работы до обучения, производственный опыт. На практике производственные подразделения в колхозах возглавлялись людьми не моложе 30–35 лет. В сельскохозяйственных школах основную массу ученического контингента составляли слушатели в возрасте от 19 до 25 лет. В возрасте же 30–35 лет их были единицы. В 1947 г. в составе выпускников их было 5,2 %, в 1949 г. – 4,8 %, в 1952 г. – 5,6 %, в 1953 – 6 % [26]. Фактически лишь такой процент выпускников школ мог рассчитывать на получение должности по специальности. Все другие по возвращении в свое хозяйство вынуждены были работать на должностях, с которых направлялись на учебу.

Слабая материально-техническая и учебно-производственная база по подготовке сельскохозяйственных кадров, с одной стороны, недостаточное внимание самого государства к проблемам социально-экономического и материального обеспечения слушателей, с другой стороны, определили серьезные качественные и количественные несоответствия этих заведений потребностям колхозного производства, результатом чего стало достаточно незначительное использование их выпускников по назначению. Так, из 75 000 человек, подготовленных с 1946 по 1953 г. сельскохозяйственными школами, на начало 1954 г. в колхозах работали по специальности лишь 15 % [27].

Фактически задание, которое ставилось государством по быстрому и дешевому обеспечению колхозного производства кадрами, способными в послевоенный период осуществлять эффективное обеспечение его потребностей, не было выполнено. Финансовых и материальных средств, которые выделялись для учебных заведений, готовивших эти кадры, оказалось недостаточно для их эффективной деятельности. Моральные и психологические усилия десятков тысяч колхозников также оказались напрасными. Ведь потраченное на получение такого образования время и само образование не давали возможности работать по специальности, а в будущем – возможностей для профессионального роста.

Библиографические ссылки

1. *Пронин О.* Государственные сельскохозяйственные школы // Социалистическое сельское хозяйство. 1946. № 12. С. 38–46; *Щусь Б. И.* Борьба КПСС за воспитание колхозных кадров в период четвертой пятилетки (по материалам Киевской области) : автореф. ... канд. ист. наук. Киев : Б. и., 1953. 20 с.; *Осадчий И. В.* Укріплення колгоспів керівними кадрами // Наукові записки Київського пед. ін-ту. Киев : Б. в., 1956. Т. 23. С. 24–31; *Волков И. М.* Колхозное крестьянство в первые послевоенные годы (1946–1950) // Вопросы истории. 1970. № 6. С. 3–19; *Тюрина А. П.* Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства. 1946–1958. М., 1983. 309 с.; *Лысенко Н. А.* Деятельность КПРС по подготовке сельскохозяйственных кадров (1930–1958). Киев, 1972. 91 с.; *Мотревич В. П.* Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990.

2. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 18. Д. 3162. Л. 18.

3. Там же.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1980) в 15 т. / под общ. ред А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983–1990. Т. 8. С. 105, 133, 141, 142.
5. Там же. С. 141.
6. РГАЕ. Ф. 7486. Оп. 17. Д. 2055. Л. 9.
7. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВОВУ). Ф. 27. Оп. 19. Д. 183. Л. 161.
8. *Муковський І. Т., Лисенко О. Е.* Звитяга і жертвність: Українці на фронтах Другої світової війни. Київ, 1996. С. 393–400; *Лук'яненко Л.* Маршал Жуков і Україна у Другій світовій війні. Львів, 2000. С. 6; *Циганок Н.* Боевое крещение // Знамя Дзержинки. 2000. 29 апр.
9. Там же.
10. Історія Української РСР. К., 1979. Т. 8. Кн. 2. С. 52.
11. ЦГАВОВУ. Ф. 27. Оп. 19. Д. 338. Л. 80.
12. ЦГАВОВУ. Ф. 27. Оп. 19. Д. 332. Л. 4.
13. ЦГАВОВУ. Ф. 27. Оп. 19. Д. 500. Л. 6.
14. РГАЕ. Ф. 7486. Оп. 18. Д. 670. Л. 2.
15. ЦГАВОВУ. Ф. 27. Оп. 19. Д. 183. Л. 161.
16. ЦГАВОВУ. Ф. 27. Оп. 19. Д. 338. Л. 34.
17. РГАЕ. Ф. 7486. Оп. 18. Д. 190. Л. 54.
18. ЦГАВОВУ. Ф. 27. Оп. 27. Д. 57. Л. 338; Д. 338. Л. 30; Д. 902. Л. 18.
19. Там же. Д. 57. Л. 12; Д. 338. Л. 30; РДАЕ. Ф. 7486. Оп. 17. Д. 2079. Л. 27.
20. РГАЕ. Ф. 7486. Оп. 18. Д. 670. Д. 2.
21. ЦГАВОВУ. Ф. 27. Оп. 19. Д. 57. Л. 12; Д. 338. Л. 30.
22. Там же. Д. 338. Л. 33; Д. 902. Л. 2; РДАЕ. Ф. 7486. Оп. 17. Д. 2079. Л. 5.
23. ЦГАВОВУ. Ф. 27. Оп. 19. Д. 902. Арк. 161.
24. РГАЕ. Ф. 7486. Оп. 18. Д. 157. Л. 25; ЦДАВОВУ. Ф. 27. Оп. 19. Д. 110. Л. 18.
25. Цит. по: *Борисов Ю. С.* Производственные кадры деревни. 1917–1941 гг. Цивилизованные хозяйственники или «винтики» государственной машины. М., 1991. С. 183.
26. РГАЕ. Ф. 7486. Оп. 17. Д. 2079. Л. 5; Оп. 18. Д. 190. Л. 11; ЦДАВОВУ. Ф. 27. Оп. 19. Д. 183. Л. 150; Д. 338. Л. 161.
27. РГАЕ. Ф. 7486. Оп. 18. Д. 190. Л. 50.